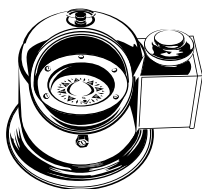

Жюль Верн
—
**Пятнадцатилетний
капитан**

Москва
2024

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
В35

Jules Verne
UN CAPITAINE DE QUINZE ANS

Перевод с французского *Игнатия Петрова*

Художественное оформление серии
Степана Костецкого

Верн, Жюль.
В35 Пятнадцатилетний капитан / Жюль Верн ; [перевод с французского И. Петрова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-196406-1

Впервые опубликованный в 1878 году роман французского писателя, классика фантастико-приключенческой литературы Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан» повествует о приключениях юного Дика Энда, который волею случая вынужден взять на себя управление китобойной шхуной «Пилигрим», держащей курс в Америку, и ответственность за жизни ее экипажа и пассажиров. В открытом море и в материковых глубинах Экваториальной Африки героям книги приходится столкнуться со множеством опасностей и не раз взглянуть в лицо гибели. Смертельное противостояние бандитам-работоторговцам, пребывание в деревне колдунов, рискованные встречи с дикарями-людоедами, хищными животными и стремительными водами африканской реки — через эти и многие другие испытания придется пройти Дикю и его спутникам, прежде чем они вырвутся из зловещих дебрей Африканского континента...

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-196406-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ШХУНА-БРИГ «ПИЛИГРИМ»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°19' западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавающих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков

южной флотилии, находились пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе Южного полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворвань. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено,

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань, пластины китового уса у них развиты слабо.

французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым

делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжелых месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папеете. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузенком Бенедиктом и Нан — старухой негритянкой, которая вынянчила еще саму миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок-пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно бóльшим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхунабриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» падежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился — надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решила совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех

случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом, и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова — кем-то вроде Кювье¹ Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изуче-

¹ Жорж Кювье (1769–1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация теперь устарела.

нию тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт; откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в по-

нятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены одной парой сяжков и тремя парами ног, почему их и назвали шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов:

прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.);

сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы);

перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи);

чешуекрылые (представители: бабочки);

полужесткокрылые (представители: цикады, блохи);

жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки);

двукрылые (представители: комары, москиты, мухи);

веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы);

паразиты (представители: клещи);

низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч¹, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он

¹ Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемае миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим»

вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянской Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «ка-типо», как его называют маори¹, укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

— Что за странные слова, капитан Гуль?

— Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это во-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле

¹ Маори — коренное население Новой Зеландии.

безопасности, конечно, уступает пакетботам¹, специально приспособленным для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— О да, несомненно! — ответил капитан. — Сам я, не задумываясь, взял бы на борт «Пилигрима» свою семью. «Пилигрим» — отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, — в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному берегу Нового Света.

¹ Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

ГЛАВА 2

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти ника-

кого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее, его бегающий взгляд, не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье.

Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен сплыв на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того — товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской

болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своем крохотном камбузе, большую часть которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juv at...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуман-

но. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «audens» — дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников, Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восемью лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дикю мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить Бога.